

К 300-ЛЕТИЮ М.В. ЛОМОНОСОВА

Русский гений

Преобразования в России, начатые Петром Великим, дали мощный толчок для развития науки. На этом поприще появился ряд талантливых личностей, в том числе приглашенных из стран Западной Европы. Но гордостью России стал сын холмогорского крестьянина-помора Михайло Ломоносов. Это был «ещё неведомый избранник, но только с русской душой». М.В. Ломоносов в науке — величина мирового значения.

В 1940 г. С.И. Вавилов писал: «К сожалению, подлинная фигура Ломоносова не ясна до сих пор». Накануне его 300-летия мы тоже не можем с уверенностью сказать, что нам всё известно о личности великого помора. Нам трудно понять универсальность его знаний, множественность его талантов, вероятно, это далось ему «соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия. Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию его души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник... Он сам был первым нашим университетом». Это оценка А.С. Пушкина многое проясняет. Но не все. Отдельные моменты в жизни гения русской науки до сих пор неясны, порождают легенды, домыслы.

М.В. Ломоносов родился в семье Василия Дорофеевича Ломоносова в деревне Мишанской, по другим данным в дер. Денисовка Куростровской волости Архангельской губернии в 1711 г. В XIX деревня Мишанская слилась с соседней Денисовкой. Вот почему эти два селения называют родиной великого учёного.

Семья отца была не из бедных. Поморы — государственные крестьяне — трудились на «чёрной» (то есть на общей, мирской) земле, которую они возделали в суровых условиях Русского Севера и считали своей собственной. Могли продавать, завещать, хотя верховным собственником земли считалось государство. Поморы не знали крепостной зависимости. В подавляющем числе это были старообрядцы, не принявшие нововведений патриарха Никона, происшедших при полной поддержке царя Алексея Михайловича.

Девятнадцать лет Михайло Ломоносов прожил среди крестьян-поморов, людей закаленных в борьбе с морем, с природой и с церковью. Годы, проведенные в Поморье, где были развиты морской промысел, земледелие, где варили соль, занимались производством дёгтя, добывали слюду, железо, строили суда, кормщики знали основы навигации. Всё это видел и впитывал в себя пылкий, жаждущий знаний подросток. Он стал рано помогать отцу, вместе с ним совершал плавания по Северным морям. Жажда знаний и старообрядческая завкаса, «гордая упрямянка» толкнули его на неслыханное дело.

Поморы обладали своеобразной народной культурой, относительно высокой грамотностью. Северяне из рода в род передавали эпические сказания (былины). Надо отметить, что самые лучшие образцы былины были записаны на Русском Севере и в основном от старообрядцев. М.В. Ломоносов рос и осваивал грамоту на старославянском или церковнославянском языке, ибо старообрядцы постигали грамоту только на этом языке.

Сохранившиеся образцы юношеского почерка Ломоносова, сохранившего черты скорописи и полуустава являются характерными для поморских рукописей. Учёные считают, что Михайло Ломоносову приходилось переписывать рукописи для старообрядцев, которые хранили книги старопечатного докириллического издания. И.И. Солосин, исследуя особенности языка в стихотворениях М.В. Ломоносова, пришёл к выводу, что «источником знания Ломоносовым церковнославянского языка надо считать... книги церковно-богослужбные, а отчасти и другие религиозные сочинения, писанные церковнославянским языком: Прологи, жития святых и т.п., с которыми Ломоносов был знаком еще в детстве».

Он старательно впитывал ту культуру, что окружала его. В 1877 г. археолог А.Е. Викторов нашел в Петрозаводске рукопись «Служба и житие Дмитрия Мироточца» с надписью «списывал с сей тетради Михайло Ломоносов». Это подтверждает гипотезу о контактах М.В. Ломоносова со старообрядческими книжниками Выговской пустыни (А.М. Пашков. Выговская поморская пустынь и её культура. М., 1996).

Недавно в Архангельске вышла в свет книга «Архангельск старообрядческий», где содержатся данные, подтверждающие, что великий русский учёный Михайло Ломоносов был старообрядцем.

В первой академической биографии великого помора Михайлы Ломоносова (1711—

1765) есть такие слова: «На тринадцатом году младой его разум уловлен был раскольниками так называемого толка беспоповщины, держался он его два года, но скоро познал, что заблуждает». В большинстве последующих биографий сведения о старообрядческих корнях Ломоносова замалчиваются. Но и то, что он отошел от старой веры, документально не подтверждается. Наоборот, в исповедальной книге куростровского прихода за 1728 год есть запись, что Василий Дорофеевич Ломоносов (1681—1741) и его жена Ирина явились к исповеди и причастию, а «сын их Михайло не сделал этого по нерадению». Видимо, укрепились в «расколе» ещё больше.

Приведенное сообщение принадлежит, несомненно, представителю официальной церкви. Старообрядцы не считали себя раскольниками. Полагают, что вторая жена отца Федора Михайловна Узкая относилась к Михайле как к родному и ввела его в старообрядческую среду. К тому же, освоить грамоту на церковнославянском языке ему помогли старообрядческие наставники. В старой дореволюционной литературе имеется предположение об участии в судьбе Ломоносова Андрея Денисова, одного из устроителей Выговской пустыни, старообрядческого центра на Севере России. В работе Д.С. Бабкина «Юношеские искания М.В. Ломоносова» было заявлено о том, что будущий учёный обучался в Выговском общежительстве, где готовили старообрядческих наставников. И, естественно, ознакомились с сокровищем монастыря — библиотекой. Уход в Москву «за занятиями» был хорошо подготовлен. В Москве через сутки его встретил приказчик-старовер и на время оставил у себя жить. Тот же приказчик через знакомого монаха помог устроить поступить в Славяно-греко-латинскую академию. Ломоносов, скрыв своё крестьянское происхождение, записался дворянином.

По всей вероятности, ему кто-то посоветовал поступить так, ибо крестьянских детей в Академии не жаловали. Старообрядцы Русского Севера являлись истинными хранителями русской культурной традиции, русского духа, неодоимного трудолюбия и веры в себя. Многие земляки и родственники (Дудины, Шубины и Головины) были староверами. У Дудиных Ломоносов выпросил грамматику церковнославянского языка Мелентия Смотрицкого и арифметику Магницкого, которые он назвал «вратами своей учёности». Сестра Ломоносова Мария от третьего брака отца вышла замуж за старообрядца.

Ломоносов гордился своим происхождением, своим народом. О своих студентах судил не по знатности рода, а по прилежанию к науке. «В университете тот студент почтеннее, кто больше научится, а чей он сын, в том нет нужды», — говаривал М.В. Ломоносов. Он всеми мерами помогает русским парням пробиться к вершинам науки. Он выводит в люди целую плеяду русских ученых: астронома Н. Попова, исследователя Камчатки С. Крашенинникова, филологов Н. Поповского и А. Барсова, этнографа В. Зуева, химика Н. Соколова и многих других. Отсюда его уверенность:

*Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

Надо сказать, как тяжело ему было пробивать свои планы, идеи и проявлять заступничество за русских студентов, за русских учёных при дремучем засилье в Академии немцев. Отзвуки его борьбы с иноземным засильем нашли отражение в переложении псалма 143:

*Меня объял чужой народ,
В плучине я погряб глубокой.*

Часто, не находя поддержку своим начинаниям и понимая, что помощь меценатов ненадежна, он горько констатировал:

*Никто не уповай во веки
На тщетну власть князей земных.*

Научные труды и новаторские стихи Ломоносова были хорошо известны современникам. Его известность не давала покоя отдельным талантливым людям из русских (Тредиаковскому, Сумарокову), а больше всего ему завидовали и ставили всевозможные препоны заезжие иноземцы, которым не по нутру были заботы М.В. Ломоносова о продвижении русских учёных в Академию наук и об увеличении в университете числа российских студентов, к которым иноземцы относились свысока, даже с презрением. «Великие дарования все-

гда возбуждают зависть» (С.М. Соловьёв).

Прославляя в оде вошедшую на престол Екатерину II, Ломоносов, исполненный патристического чувства, надеялся, что императрица, поклонница французских философов, может «от презрения избавить // Возлюбленный российский род». Но Екатерина II в первое время щедро награждала многих деньгами и чинами, а о Ломоносове забыла, ибо он до её восшествия на престол всегда имел поддержку от Шуваловых, которые после переворота были ненавистны царице.

Получив благодаря И.И. Шувалову первенствующее значение в Академии, Ломоносов вызвал месть и зависть К.Г. Разумовского (формального президента Академии наук) и Г.Н. Теплова, адъюнта Академии наук по ботанике, который был воспитателем К.Г. Разумовского и благодаря близости к Разумовскому фактически распорядился Академией наук. Он был беспринципный интриган, срывал планы Ломоносова по реорганизации Академии наук.

Несмотря на все интриги недругов учёного, заслуги его были учтены. «Ломоносов без академии и Академия без Ломоносова были немислимы». Его оставили в Академии, дали чин статского советника и назначили жалование 1875 рублей в год.

Один из соперников Ломоносова, известный поэт Сумароков, был идеологом дворянства, признавал сословную иерархию. По его понятию: «Раба принадлежит раболопная покорность; сынам отечества попочение о государстве». Как видим, помор Ломоносов был другого мнения. Он хорошо понимал, что «всякого звания люди» имеют заслуги перед российским государством.

Особенно ярко и страстно общественно-политическая и гражданская позиция М.В. Ломоносова была выражена в письме «О сохранении и размножении русского народа». В нём он даёт описание современной ему народной жизни. Пишет про «помещичьи отягощения крестьянам», про непомерные налоги, про рекрутство, о произволе в семейной жизни. Заботясь о благе народа, он показывает правовое положение крестьянства и обусловленный им быт, нравы, чаяния этого сословия. Фактически это письмо, адресованное И.И. Шувалову, является предвозвестником реформаторами был низведен до положения быдла, когда забыли о крестьянстве, о рабочем классе. В почёте оказалась вороватая чванливая бюрократическая верхушка.

Пренебрежение народом, унижение его достоинства под знаменем демократических преобразований привело к расхлябанности во всех отраслях экономики, к массовому пьянству, к упадку сельского хозяйства, к опустошенности души.

Огромная заслуга Ломоносова в том, что он, закладывая основы русской этнографии и истории, внес в них изучение современной ему народной жизни и рассматривал это с демократических позиций.

Росов уделял Сибири и Северу. Ему были известны результаты экспедиций в Сибирь (на Дальний Восток), о живущих там народах, которые будут вовлечены в общий процесс хозяйственного и культурного развития России. А государственная власть и русские люди должны играть цивилизующую роль в развитии народов Сибири. Он писал: «Будет время, когда Сибирь, наполненная разными народами, на разных языках будет приносить похвалы дому Петрову» (Соч., т. V, с. 95) за приобщения к знаниям, культуре цивилизованных стран.

Ломоносов провидчески оценил значение Сибири и Северного океана, который он иногда называл Сибирским. Ныне мы цитируем только первую часть. У Ломоносова это написано так: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном»... Названный же океан ныне привлекает внимание многих государств, которые ретиво устремились к нефтяным и газовым запасам под его водами.

Этнографическое изучение народов России Ломоносов связывал с практическими государственными задачами. В работе, посвященной основанию металлургии он писал: «Земледельство, паства и ловитва (земледе-

лие, скотоводство и охота — Ф. Б.) суть первые средства, коими довольствовались первые праотцы человеческого рода для своего содержания. Благоустроенных обществ состояние... не терпит оных тесных пределов».

Основное внимание в историко-этнографических трудах М.В. Ломоносова уделено русскому народу. Он осознавал, что благородным делает человека не дворянское звание, не дворяно-боярские корни, а высокие моральные качества: патриотизм, «терпеливое рачение», «благородная упрямяка», «мужество и бодрость человеческого духа», «смелость и непоколебимость сердца», честное служение «общей пользе». В одном из писем И.И. Шувалову он писал: «Хочу искать способа и места, где бы чем реже, тем лучше видеть было пород высокородных, которые мне нискою моею породу попрекают, видя меня как бельмо на глазе» (т. VIII, 1948, с. 221).

Много сил у Ломоносова отнимала борьба с иноземным засильем в Академии наук. Так, приглашенный из Германии Шлёцер добился от Екатерины II права заниматься русской историей (а ему благоволили президент Академии К.Г. Разумовский и его воспитатель-интриган Г.Н. Теплов) с допуском его во все архивы и книгохранилища. В конце декабря 1764 года Указом, подписанным Екатериной II, Шлёцер был назначен ординарным профессором истории на особых «кондициях», с высоким окладом. Причем его работы не подвергались «апробированию». Их просматривала сама императрица.

В приложении к Указу подчеркивалось: «Не только не возбраняется ему употреблять все находящиеся в императорской библиотеке при Академии книги, манускрипты и прочие к древней истории принадлежащие известия, но и дозволяется требовать через Академию всего того, что к большему совершенству поручаемого ему служить может». Это не могло не вызвать гнев и роптания Ломоносова. Шлёцер копировал не только летописи, но и секретные материалы государственных коллегий. О том, как стал «колотродить» в русской науке этот «исследователь» свидетельствуют следующие факты.

Шлёцер написал «Русскую грамматику». И в ней его дилетантская наглость не могла не вызвать возмущение Ломоносова. Так, Шлёцер произвел слово «боярин» от слова «баран», король — от немецкого «Kerl» (мужик). Слово «дева», которое в России является наименованием Пресвятой Богородицы, Шлёцер производит от немецкого «Dieb» (вор) и от нижнесаксонского «Tiffe» (сука). Это не могло не вызвать гнева Ломоносова. И он выпалил: «Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколбродит в российских древностях такая допущенная в них скотина».

Н.В. Гоголь писал: «Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги».

Таким же вступлением Ломоносов видится и впереди российской науки. «Всякое прикосновение к любимой сердцу его России, на которую он глядит под углом её сияющей будущности, исполняет его силы чудотворной». Не эта ли сила вела его к многообразию творчества во многих отраслях науки.

А.И. Герцен проникновенно сказал о нем: «Этот знаменитый учёный был типом русского как по своей энциклопедичности, так и по остроте понимания. Всегда с ясным умом, полный беспокойного желания всё понять, он бросался с одного предмета на другой с удивительной легкостью понимания». Такое позволено только гению.

Ф.Ф. Болонев, д.и.н.,
Институт археологии и этнографии СО РАН
Илл: М.В. Ломоносов. Федоскинская миниатюра.
Н.М. Солоникова, 1991 г.